

**ЧУЖОЕ СЛОВО В ИМПЕРСОНАЛЬНОМ НАРРАТИВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ Ю. ТРИФОНОВА
«ДОЛГОЕ ПРОЩАНИЕ»)
THE «ALIEN WORD» IN IMPERSONAL NARRATIVE
(ON EXAMPLE OF TRIFONOV'S NOVEL «THE LONG GOODBYE»)**

Аннотация: В статье проанализированы особенности взаимодействия слова автора и слова персонажа в повести Ю. Трифонова «Долгое прощание». Несобственно-прямая речь, передающая мыслительный процесс персонажа, становится важной характеристикой при описании языковой организации произведения.

Ключевые слова: слово автора; слово героя; безличный повествователь; персонаж; несобственно-прямая речь; дискурс; Трифонов.

Abstract: The article analyses the peculiarities of interaction between the author's speech and the speech of a character in Trifonov's novel «The Long goodbye». The free indirect discourse which transfers the thoughts of a character has an important meaning in description of the linguistic organization of the novel.

Keywords: author's speech; character's speech; impersonal narrator; character; free indirect discourse; discourse; Trifonov.

В своих повестях и романах Ю. Трифонов активно использует на стилистическом уровне чужое слово. Мы исходим из понимания чужого слова как слова «другого», введённого в речь повествователя [1, с. 297]. Понятия автор и повествователь здесь равнозначны. Для творчества писателя характерно то, что внутренний, или психологический мир персонажа зачастую представлен читателю как раз через данный прием, как правило, через несобственно-прямую речь. Неразрывная связь авторского слова и слова героя – характерная черта поэтики Ю. Трифонова. В повести «Долгое прощание», написанной в 1971 году и входящей в «московский» цикл, мы можем увидеть, как реализуется данная техника письма. В данной работе мы будем, в первую очередь, обращать свое внимание на языковую организацию текста.

Герои этого произведения выделяются не только как типажи, но и как носители отдельной от других манеры мыслить, но эта манера как будто исподволь, через несобственно-прямую речь, «прорезается» в стилистически нейтральной речи безличного повествователя. Важными являются слова, выделенные курсивом в тексте самим автором и отражающие эмоциональное движение субъекта, к которому эти слова относятся. Каждый персонаж опосредованно, через речь

безличного повествователя, можно сказать, репрезентирует сам себя. Способ выражения и содержание мыслей описываемого лица является определяющим параметром для интерпретации его образа.

Повествование строится таким образом, что организующим началом становится смена точек зрения, относящаяся к тому или иному персонажу (Ляли и Реброва, в первую очередь). Увидеть человека с различных сторон – стремление к некоторой объективности, антидидактичности со стороны безличного повествователя и, соответственно, самого писателя, Трифонова.

Органичное сосуществование в едином языковом поле и речи повествователя, и речи героя в повести предполагает особый вид построения сюжета. Предполагается, что вся организация произведения не только строится на основе следования логике развития сюжета, но и представлена таким образом, при котором самосознание героя становится источником описания тех или иных подробностей его судьбы, а в конечном итоге жизнь и судьба человека – то, что старается понять Трифонов. Например, когда сравнивается Смурный с хрустальноглазым, подспудно, несмотря на авторское присутствие, выражается это как воспоминание Ляли, и вырисовывается её прошлое. Или эпизод, когда Ребров, задумываясь о характере Ляли, вспоминает историю, когда она спасла его, поцеловав обидчиков.

Отличительная особенность повести состоит и в том, что при рассказе о каком-либо персонаже безличному повествователю не свойственно резко менять панораму действия. Иначе говоря, повествование держится в рамках предположительных компетенций персонажа, повествователь как бы смотрит на мир глазами описываемого в данный момент персонажа. Также можно сказать, что дискурс всего произведения строится на основе смены парадигм восприятия, здесь происходит коллаж дискурсов. Например, когда говорится о Ляле, восприятие окружающего мира и людей дается от её лица. Если предположить такую ситуацию, в которой на место безличного повествователя вставляли бы по очереди персонажи-рассказчики, то сравнительно невысокая доля содержания была бы потеряна, персонаж назывался бы не по имени, а выступал бы как «я»-рассказчик. Повествователь же выступает как незаменимая структура, должностная совершать процесс перехода от одного действующего лица к другому.

Однако функции повествователя в рамках целого весьма значительны. Речь, голос повествователя становится главной доминантой при определении авторской интенции, смыслового «посыла» произведения. Так, к примеру, рассуждения безличного повествователя в начале и в конце произведения глубоко поэтичны и несут в определенной степени субъективную оценку происходящего, но уже на уровне более высоком, нежели перипетии судьбы героев. Тем самым необозначенный повествователь оказывается в роли комментатора истории, бытия в целом.

Стилистическая организация повести показывает то, что для поэтики творчества Ю. Трифонова важной оказывается языковая составляющая, поиски способа передачи «внутреннего» человека. Таким образом – и это представляется главным – прием внутреннего монолога, характеризующий внутренний мир ге-

роя, у Трифонова в повести, видоизменяясь, как бы «дробясь», превращается, скрещиваясь со словом повествователя, в особый тип дискурса, где слова, принадлежащие какому-либо субъекту мыслительного процесса, через несобственно-прямую речь ставятся в один ряд со словами безличной повествовательной инстанции. И такая художественная организация позволяет уже самому читателю не полагаться на слово автора, а оценивать персонаж самостоятельно.

Библиографический список

1. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко]. – М. : Изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.